

УДК 340

Соболев Вячеслав Васильевич

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права,
Северо-Кавказский филиал Российского
государственного университета правосудия,
заслуженный юрист РФ
тел. 89181388285

Vyacheslav V. Sobolev

Candidate of Law Sciences, associate professor,
professor of department of criminal law
of the North Caucasian branch of the Russian state university of justice,
honored lawyer of the Russian Federation
ph. 89181388285

Организованная преступность как следствие организованной преступной деятельности (понятие сущности и формы)

Organized crime as a result of organized criminal activity (a concept of an entity and a form)

***Аннотация:** Статья посвящена проблеме законодательного определения организованной преступности и научному обоснованию организованной преступной деятельности как формы соучастия в преступлении.*

***Ключевые слова:** уголовное законодательство, организованная преступность, преступное сообщество, преступная деятельность, соучастие в преступлении, формы соучастия, дифференциация ответственности.*

***Abstract:** The article deals with the problem of the legislative definition of organized crime and the scientific background of organized criminal activity as a form of complicity in a crime.*

***Keywords:** criminal law, organized crime, criminal, criminal activity, community participation, forms of complicity, differentiated responsibilities.*

Актуальность проблемы реального применения закона, направленного против деяний, совершаемых организованным криминалитетом, именуемым в законе организованной группой, преступным сообществом (преступной организацией), бандой, обусловлена не только тревожной статистикой и изощренностью криминальных проявлений, но и, в первую очередь,

отсутствием системной законодательной разработки накопившихся вопросов названной проблемы. Этим в значительной степени объясняются трудности как определения сущности организованной преступности, так и реальных её масштабов, а также динамики данного феномена, о чем уже давно отмечалось многими авторами[1]. Причем если указанные трудности относятся в основном к проблемам криминологии, то отсутствие четких критериев определения организованной преступной деятельности, как уголовно-правового понятия, обозначило насущную проблему уголовного права, проблему неотвратимости уголовной ответственности лиц, организовывающих такого рода деятельность, участвующих или руководящих ею. Однако до настоящего времени в России не имеется соответствующего закона, регламентирующего государственную деятельность в борьбе с организованной преступностью. Хотя имеется проект такого закона, а также история попыток его принятия.

Так, работа над проектом Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью» началась ещё в 1992 году. Разработчики закона принимали участие в подготовке двух законопроектов о борьбе с организованной преступностью. На их основе Государственная Дума и Совет Федерации дважды принимали соответствующие законы, на которые первым президентом РФ Б.Н. Ельциным накладывалось вето (1995 и 1997 гг.). Тексты данных законов публиковались (См.: Организованная преступность-3. М., 1996). Окончательный вариант проекта опубликован в книге А.И.Долговой «Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность». М., 2011[2].

В пояснительной записке к рабочему проекту закона «О борьбе с организованной преступностью» отмечается, что «организованная преступность в России приобрела такие масштабы, что стала использовать в своих интересах возможности институтов государства, подрывая национальную безопасность, экономическую и духовную основы существования нации. Не пресечена ее эскалация. Организованные преступники для достижения своих целей используют дискредитацию неудобных им лиц, коррупцию, наиболее опасные виды насилия. Законодательство о борьбе с терроризмом, экстремизмом, коррупцией не может быть эффективным без должной правовой базы борьбы с организованными преступными формированиями и их системой (организованной преступностью). Однако до сих пор в России отсутствует необходимая правовая база для эффективного противодействия современной организованной преступности».

Названные разработчиками проекта проблемы остаются актуальными и в настоящее время. Отмечается, как и прежде, что наличие и деятельность специализированных подразделений по борьбе с

организованной преступностью предусмотрена не законом, а подзаконными актами. Это создает основу для их многочисленной реорганизации в ущерб интересам дела. По мнению разработчиков проекта А.И. Долговой, А.Н. Елина, С.Д. Белоцерковского, А.Г. Халиулина, В.К. Максимова и других, УК РФ не учитывает реальные характеристики существующих в России организованных преступных формирований. В частности, в УК РФ 1996 г., во-первых, произошло необоснованное отождествление таких разных организованных преступных формирований, как преступное сообщество и преступная организация, которые принципиально различаются. Во-вторых, в новом УК РФ не нашло должного отражения понимание того, что отличие преступной организации от организованной группы состоит в том, что широкомасштабная преступная деятельность, на которую ориентирована преступная организация, требует выделения таких самостоятельных функций, как создание сложной криминальной структуры и обеспечение ее существования как единого организма. Это — новый уровень организации, рассчитанный на широкомасштабную преступную деятельность во имя сверхдоходов и установления контроля над определенными сферами деятельности, объектами, в том числе и политического контроля. Поэтому возникает необходимость во введении понятий «преступная деятельность», «деятельность организованного преступного формирования» и других[3].

Соглашаясь с последним, можно заключить о необходимости введения понятий, присущих институту соучастия, таких как обычная «преступная деятельность» и широкомасштабная «организованная преступная деятельность». Названные понятия коррелятивны понятиям «преступность» и «организованная преступность» и в полной мере применимы в уголовном праве для определения форм соучастия. Причем, как отмечается специалистами, отсутствие законодательного определения такой формы соучастия, как организованная преступная деятельность, которая по степени общественной опасности на порядок и более выше обычных групповых преступлений, позволяет оставаться актуальными проблемам групповой, организованной и профессиональной преступности. При этом, что весьма важно, организованная преступность государственной статистикой не регистрируется.

Можно по-разному относиться к этому, но такова реальность, что понятие организованной преступности сейчас не поддается операционному анализу и не может быть раскрыто через регистрацию отдельных преступных групп. Так, несколько иное положение с *групповой преступностью*. Ее наличие устанавливается статистически. Вместе с тем при одномерности всех видов преступных групп, в том числе и организованных, как отражается нынешней статистикой, действительная картина групповой преступности может быть выяснена только на основе выборочных исследований.

Необходимо учитывать, как уже отмечалось в литературе, что группы имеют самый различный характер: от действительно организованных до фактически случайного совершения преступлений соисполнителями[4].

Не влияет на вывод о невозможности операционного объективного анализа групповой и организованной преступности также периодически появляющиеся сообщения о выборочных данных, характеризующих указанные криминологические категории, хотя они, несомненно, представляют научный и практический интерес. Однако оперировать указанными данными допустимо лишь с учетом постоянно меняющейся разницы между зарегистрированным и фактическим количеством таких деяний, подтвержденным судебной-следственной статистикой. Эта разница, как показали проведенные обобщения, по разным регионам соответствует от 5 – до 14 и более – кратным пропорциям[5]. Поэтому специалистами все настойчивей обращается внимание на проблему законодательного определения понятия организованной преступной деятельности и кардинального упорядочения отечественной уголовной статистики[6].

Возвращаясь к проблеме законодательного определения понятия «организованная преступность», нелишне будет привести его содержание из действующего закона Киргизской Республики от 29 мая 2013г. №82 «О противодействии организованной преступности». Преамбула закона гласит: «Настоящий Закон определяет государственную политику и организационно-правовые основы противодействия организованной преступности». А согласно статье первой закона «Организованная преступность -- деятельность, осуществляемая организованными преступными группами, преступными сообществами (преступными организациями), вооруженными группами (бандами), характеризующаяся признаками, определенными уголовным законодательством Кыргызской Республики»[7].

В отечественной уголовно-правовой и криминологической теории имеются соответствующие определения и научно обоснованные формулировки понятия организованной преступности, но, к сожалению, они не обрели форму нормативного правового акта. Пока же только благодаря осуществляемым учеными серьезным аналитическим исследованиям мы имеем представление о масштабах и структуре организованной преступности в стране. Из приводимых в специальной литературе данных следует, что только в экономической сфере под контролем преступных организованных групп на период представления в Госдуму РФ упомянутого проекта Федерального закона находились 35тыс. хозяйствующих субъектов, в том числе 400 банков, 47 бирж, 1,5тыс. предприятий государственного сектора, а поборами обложено 70-80% приватизированных предприятий и коммерческих банков. По расчетам Аналитического центра РАН 35%

капитала и 80% «голосующих» акций перешло в руки криминальных организаций[8]. К сожалению, как указанные, так и другие приведенные в специальной литературе характеристики организованной преступности, основываются либо на выборочных данных, либо на данных первичного криминологического учета. Поэтому результаты таких исследований, даже при самом добросовестном их выполнении, будут по-разному отражать одни и те же показатели и тем самым вызывать сомнение в их соответствии реальному положению дел. Кроме того, отсутствие установленных законом единых оценочных критериев определения групповой и организованной преступности не позволяет обеспечить систематическое получение полных и достоверных ее количественных и качественных характеристик.

Поэтому, говоря об организованной преступности, следует, на наш взгляд, иметь в виду, что данная криминологическая категория тесно связана с таким уголовно-правовым понятием, как *организованная преступная деятельность*. И это понятие должно быть сформулировано и отражено в законе. От четкого законодательного определения данного понятия зависит не только получение характеристик оргпреступности, но также возможность применения алгоритмов уголовно-правовой оценки квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений, совершаемых обычным групповым способом либо организованными преступными группами или преступными сообществами.

Совершенно очевидно, что если законодатель четко разграничит формы совместной преступной деятельности, а также закрепит единые критерии определения группового преступления и организованной преступной деятельности, то он тем самым создаст предпосылки оптимальной дифференциации и безошибочной индивидуализации уголовной ответственности различных видов соучастников преступления.

Однако действующий уголовный закон не содержит определения понятий форм и видов соучастия. В результате нередко возникают ситуации, когда, как отмечает В.В. Питецкий, наблюдается своеобразная «трансформация» деятельности любого соучастника (в том числе и организатора, подстрекателя и пособника) в деятельность соисполнителя в рамках совершения группового преступления. В таких случаях, пишет этот автор, следует признавать несоответствие фактической роли соучастника (организатор, подстрекатель, пособник) с юридической оценкой его деятельности[9].

Представляется, что в условиях недостаточно четкого законодательного разграничения разновидностей преступных групп («группа лиц по предварительному сговору», «организованная группа», «устойчивая вооруженная группа», «преступное сообщество») обеспечить оптимальную дифференциацию и индивидуализацию ответственности соучастников

преступления, как свидетельствует практика, пока весьма затруднительно. К примеру, на вопрос, достаточно ли УК РФ разграничивает составы вооруженного разбоя, совершенного организованной группой (п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ), и участия в устойчивой вооруженной группе (банде) – ч.2 ст. 209 УК РФ, почти каждый десятый респондент из числа судей федеральных судов и следователей прокуратуры и органов внутренних дел ответил, что разграничение провести невозможно, а более, чем каждый второй (56%) сообщил, что разграничение указанных составов, существенно отличающихся по степени общественной опасности, в законе проведено нечетко. При таком уровне «сомнений» прав оприменителей проблема классификации, которая четко разграничивала бы формы и виды соучастия, представляется весьма актуальной.

Классификация форм соучастия служит необходимой предпосылкой дифференциации уголовной ответственности соучастников, устанавливаемой уголовным законом, но сама форма непосредственно ответственность соучастников не дифференцирует. Невозможно, например, дифференцировать, разграничить ответственность пособника, подстрекателя или организатора преступления, оперируя лишь понятием *формы соучастия*, скажем, «сложное соучастие (с распределением ролей)». Решить это возможно, на наш взгляд, лишь с помощью *видов соучастия* (определенных другой классификацией): «пособничество» при наличии «исполнительских функций», «организаторские или подстрекательские действия». А такой форме соучастия, как «соисполнительство в составе группы» корреспондируют виды соучастия «группа лиц без предварительного сговора», «группа лиц по предварительному сговору» и «организованная группа». Наконец, последней в трехзвенной классификации форм соучастия, наиболее опасной форме совместной преступной деятельности, а именно: «организованная преступная деятельность», корреспондирует соответственно такой вид соучастия, как «преступное сообщество (преступная организация), объединение организованных групп, банда».

Таким образом, с помощью не форм, а видов соучастия, законодатель дифференцирует уголовную ответственность путем существенного увеличения объема уголовно-правовых последствий (относительно типовой санкции основного состава) для лиц, чьи действия подпадают под признаки того или иного вида соучастия. При непосредственной дифференциации ответственности вид соучастия используется в качестве квалифицирующего признака как наиболее распространенного средства дифференциации уголовной ответственности.

Проведенное разграничение между формами соучастия и его видами отвечает, на наш взгляд, общим требованиям различия между сущностью и содержанием права (и законодательства), между формой и

содержанием[10]. Такое различие характеризует диалектику их связи и взаимопроникновения, имеет непосредственное практическое значение, прежде всего, для практики законотворчества и правоприменительной деятельности. К сожалению, законодатель до настоящего времени оставляет открытым вопрос определения форм и видов соучастия, о необходимости разрешения и практической значимости которого в литературе сказано предостаточно.

В рамках вышеназванной трехзвенной классификации форм и видов соучастия можно показать их роль и непосредственное влияние на дифференциацию уголовной ответственности соучастников преступления. Однако с точки зрения противодействия организованной преступности интерес представляет определение такой наиболее опасной формы соучастия, как *организованная преступная деятельность*. И здесь особо следует отметить, что при исследовании организованной преступности в криминологии дается характеристика *организованного преступника*, данные о личности которого во многом зависят от уровня преступной группы, в которой он действует. При этом большинство исследователей к числу организованных преступников относит не только участников преступлений, совершаемых преступным сообществом или преступной организацией, но также руководителей, организаторов и рядовых участников других преступных образований, таких как банда и организованная группа[11].

Данная позиция нашла законодательное закрепление, хотя и неоднозначное. Так, в первоначальной редакции ч.5 ст.35 УК РФ указывалось, что «лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими, подлежит уголовной ответственности за их организацию и руководство ими в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса, а также за все совершенные организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) преступления, если они охватывались его умыслом. Другие участники организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) несут уголовную ответственность за участие в них в случаях, предусмотренных соответствующими статьями особенной части настоящего Кодекса, а также за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали». Однако, позже, законом от 3 ноября 2009г.[12], с учетом противоречивой практики, законодатель в ч. 5 ст. 35 УК РФ добавил исчерпывающие указания на конкретные статьи Особенной части УК РФ (ст. 208, 209, 210 и 282.1 УК РФ). Данное обстоятельство, на наш взгляд, свидетельствует о проблеме точности формулировок соответствующих составов преступлений, связанных с рассматриваемыми вопросами соучастия.

Оттенив таким образом дифференцированный подход к установлению основания уголовной ответственности организаторов, руководителей и участников преступного сообщества (преступной организации), а равно объединения организованных групп, законодатель тем самым объединил данные виды преступных образований в одну форму соучастия, названную нами организованной преступной деятельностью.

Изложенное дает возможность определить, что организованная преступная деятельность как форма соучастия в преступлении – это система деяний преступных сообществ, банд, организованных групп и их объединений (преступных организаций) по приготовлению, покушению либо совершению одного или более тяжких и особо тяжких преступлений, предусмотренных статьями Особенной части Уголовного кодекса РФ.

Литература:

1. Водько Н. Уголовный кодекс о борьбе с организованной преступностью// *Российская юстиция*. 1997. №4. С.15; Гасанов Э. Наркотическая преступность как вид организованной преступности// *Законность*. 1997. №11. С. 27; Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар, 2000. С. 5, 72-78; Яровой А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями, совершаемыми организованными группами. Автореф. дис. ... канд.юрид.наук. Краснодар, 2000. С. 3, 14-15; Топильская Е.В. Организованная преступность. СПб. 1999. С. 44-48.

2. URL: <http://crimas.ru/?p=1555>

3. См.: Там же.

4. Жалинский А.П., Миньковский Г.М. Преступность в СССР в 1989г.: статистические данные, криминологический комментарий // *Советское государство и право*. 1990. № 6. С. 90.

5. Ткачев Н., Миненок М. Указ. работа. С.13; Соболев В.В. К вопросу об основании ответственности соучастников преступления. С. 72-73.

6. Белоцерковский С. Организованные преступные формирования: уголовно-правовой запрет и судебное толкование // *Уголовное право*. 2009. № 3; Михайлов В.И., Федоров А.В. Модельный закон СНГ «О борьбе с организованной преступностью»: содержание и структура // *Государство и право*. 1998. № 2. С. 78-83; Козусев А. Бандитизм: проблемы доказывания // *Российская юстиция*. 1998. № 6. С. 48-49; Литовченко О.Н. Научно-практическая конференция «Организованная преступность: новые грани проблем» // *Государство и право*. 1998. № 3. С. 126-127; Гаврилов Б. О реальности российской уголовной статистики // *Законность*. 1999. № 6. С. 27-29; Кондрашков Н. Нужно разобраться в понятиях и критериях // *Законность*. 1999. № 6. С. 32-34.

7. <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/203890>.

8. Лунеев В.В. Организованная преступность в России: осознание, истоки, тенденции // *Государство и право*. 1996. № 4. С. 106-107.
9. Питецкий В.В. Виды исполнителя преступления // *Российская юстиция*. 2009. № 5. С. 28.
10. «Форма – это способ существования содержания, неотделимый от него и служащий его выражением» (Ожегов С.И. *Словарь русского языка*. М., 1990. С. 853); «Содержание – определяющая сторона целого, совокупность его частей (элементов), форма – внутренняя организация содержания. Отношение содержания и формы характеризуется относительным единством» (*Советский энциклопедический словарь*. М.: Советская Энциклопедия, 1980. С. 1246).
11. Гуров А.И. Организованная группа – не миф, а реальность. М., 1992. С.29-36; Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. С.264-271; Устинов В.С. Понятие и криминологическая характеристика организованной преступности. Нижний Новгород, 1993. С.12-14; Долгова А.И. Организованная преступность и борьба с ней в России//*Международное сотрудничество в борьбе с организованной преступностью*. СПб., 1997. С.5-6; *Криминология: Учебник/ Под ред. В.Н.Кудрявцева, В.Е.Эминова*. М., 1997. С.257-273.
12. Федеральный закон от 03.11.2009 N 245-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // *Российская газета*. 2009. 6 ноября.

Literature:

1. Vodko N. *The criminal code about fight against organized crime//the Russian justice*. 1997. No. 4. Page 15; Gasanov E. *Narcotic crime as type of organized crime//Legality*. 1997. No. 11. Page 27; Galiakbarov R.R. *Fight against collective crimes. Questions of qualification*. Krasnodar, 2000. Page 5, 72-78; Yarovoy A.A. *Criminal fight against the plunders committed by organized groups*. Avtoref. yew. ... edging.yurid. sciences. Krasnodar, 2000. Page 3, 14-15; Topilskaya E.V. *Organized crime*. SPb. 1999. Page 44-48.
2. URL: <http://crimas.ru/?p=1555>
3. See: *In the same place*.
4. Zhalinsky A.P., Minkovsky G.M. *Crime in the USSR in 1989: statistical data, criminological comment//Soviet state and right*. 1990. No. 6. Page 90.
5. Tkachyov N., Minenok M. *Decree. work*. Page 13; Sobolev V.V. *To a question of the basis of responsibility of accomplices of crime*. Page 72-73.
6. Bila Tserkva Page. *Organized criminal formations: criminal ban and judicial interpretation//Criminal law*. 2009. No. 3; Mikhaylov V.I., Fedorov A.V. *Model law of the CIS "About Fight against Organized Crime": contents and structure//State and right*. 1998. No. 2. Page 78-83; Kozusev A. *Gangsterism: proof problems//Russian justice*. 1998. No. 6. Page 48-49; Litovchenko O.N. *Scientific and practical conference "Organized crime: new sides of problems"//State and right*. 1998. No. 3. Page 126-127; Gavrilov B. *About reality*

of the Russian criminal statistics//*Legality*. 1999. No. 6. Page 27-29; Kondrashkov N. It is necessary to understand concepts and criteria//*Legality*. 1999. No. 6. Page 32-34.

7. <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/203890>.

8. Luneev V.V. *Organized crime in Russia: understanding, sources, trends*//*State and right*. 1996. No. 4. Page 106-107.

9. Pitetsky V.V. *Types of the offender*//*Russian justice*. 2009. No. 5. Page 28.

10. "The form is a way of existence of contents, inseparable from it and serving as its expression" (Ojegov S.I. *Dictionary of Russian*. M, 1990. Page 853); "Contents – the defining party whole, set of its parts (elements), a form – the internal organization of contents. The relation of contents and a form is characterized by relative unity" (*The Soviet encyclopedic dictionary*. M: Soviet Encyclopedia, 1980. Page 1246).

11. Gurov A.I. *Organized group – not the myth, but reality*. M, 1992. Page 29-36; Karpets I.I. *Crime: illusions and reality*. M, 1992. Page 264-271; Ustinov V.S. *Concept and criminological characteristic of organized crime*. Nizhny Novgorod, 1993. Page 12-14; Dolgova A.I. *Organized crime and fight against it in Russia*//*the International cooperation in fight against organized crime*. SPb., 1997. Page 5-6; *Criminology: The textbook / Under the editorship of V.N. Kudryavtsev, V.E. Eminov*. M, 1997. Page 257-273.

12. The federal law of 03.11.2009 N 245-FZ "About introduction of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and to Article 100 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation"//*the Russian newspaper*. 2009. November 6.